
А. М. БУРОВСКИЙ

ПАМЯТЬ О НАЗАРЕТЯНЕ

С Акопом Погосовичем я познакомился в феврале 1992 г. Его книга «Интеллект во Вселенной» стала одной из первых, вышедших по тематике Глобальной истории на русском языке. Встреча в редакции «Общественных наук и современности» запомнилась: рослый жгучий брюнет, прекрасно одетый, любящий и умеющий находиться в центре внимания. Бешено честолюбивый. Привыкший к обожанию дам, относящийся к этому обожанию с эдакой снисходительной иронией. Было мне тогда 36 лет, Назаретяну – 43, но он казался моложе меня. Даже пижонство у него было не вальжного пожилого профессора, а начинающего «юного дарования». Не самоуверенность уже всего достигшего Филиппа Филипповича, а самоутверждение помощника профессора Персикова, Петра Степановича Иванова – тоже жгучего брюнета и красавца.

Даже намного позже Акоп казался моложе и сверстников, и тех, кому лет на 7–10 меньше. Порой жаловался на болезни... Но это казалось кокетством – человек рассказывает о недомоганиях, а сам то поехал куда-то, то написал новую книгу, то влюбился, то отправился к своей красотке в ее маленький город, то поссорился с каким-то важным профессором, то подружился с другим...

Кроме явного здоровья, избытка энергии, планов громадьи, были у Назаретяна и другие черты «вечно молодого» человека. Сколько бы ни было уже сделано, главное для него всегда находилось впереди. Глаза горят, хочется всего и сразу, никогда не знаешь, с чего начать. 70 лет? Ну и что, если впереди ожидают новые книги, новые друзья, новые дела и свершения?

Года два назад мы с ним долго разговаривали, и уверяю вас, Акоп рассказывал о планах, для реализации которых и 20 лет мало. И как вкусно рассказывал! Он вообще вкусно жил, с удовольствием. Кстати, тоже черта скорее молодого человека.

Даже на игнорирование, несогласие, недополучение наград Акоп Погосович раздражался, сердился именно так, как это делают очень молодые люди. Он честно видел здесь несправедливость, потому что считал себя достойным наград.

Ну, и некоторая «личная незавершенность»: взрослый человек прочно женат, его окружают сначала маленькие, а потом взрослые дети. Планов у него может быть море. Работать он может с огромным душевным подъемом. Но все в его жизни – от походки до наличия взрослых детей – показывает: этот человек живет уже долго. И результаты налицо... и вот, устал...

Вот Лёня Ефимович Гринин – точно взрослый, потому что я знаю его взрослого сына. И Сергей Якуцени точно взрослый – все чаще появляется с дочерьми. А вот взрослой дочери Акопа я никогда не видел, хотя и знаю о ее существовании. И в его квартире мы сидели вдвоем или втроем – дружеская холостяцкая пирушка. Дамы приходили туда в гости, порой задерживались... Но хозяйки в доме Акопа Погосовича не было. Не считать же до конца взрослым человека, который ведет образ жизни жизнерадостного холостяка? Если такому человеку и пошел шестой, седьмой десяток – все равно у него многое впереди. Хотя бы в том смысле, что рано или поздно он женится.

Наверное, это одна из граней обаяния Назаретяна (а был он очень обаятельным человеком, к которому многие тянулись). Достигший физической зрелости, он двигался, говорил, размахивал руками, планировал и занимался наукой, как очень молодой человек. С ним было увлекательно и весело.

Взрослый – все же человек немного скучный: и потому, что уставший, и потому, что основное в его жизни уже раз и навсегда определилось. В незавершенности молодой судьбы есть и некий игровой момент.

Каким же следует запомнить Акопа Погосовича?

Во-первых, конечно же, крупным и разносторонним ученым.

Можно долго говорить о том, что именно он делал в философии, политической психологии, массовой психологии, культурной антропологии, методологии междисциплинарного синтеза, Универсальной истории, эволюционной психологии... Наверное, самый большой вклад Акопа в глобальный эволюционизм – закон техно-гуманитарного баланса. Но не только...

Еще была теория расширения сознания в ходе истории. Идея о том, что нравственное разумно, а разумное нравственно. Убедительное доказательство того, что насилия в истории становится все меньше, а разума и доброты – больше и больше. Очень оптимистичные идеи – основа целого мировоззрения, тоже здорового и оптимистичного.

С Акопом было хорошо, потому что он был хорошим человеком. А его теории хороши еще и потому, что утверждали добро.

Во-вторых, Акоп был советским человеком, причем в самом лучшем смысле слова.

Советская цивилизация порождала не только «стукачей», но и крупных ученых, которые могли быть равнодушны к материальным ценностям, десятилетиями собирая факт к факту, идею к идее, прорываясь к драгоценным крупянам теоретического познания. «Настоящие люди – это те, кто много думает о многом», – учили культовые писатели трех советских поколений братья Стругацкие. Акоп Назаретян был из тех нескольких десятков или сотен тысяч жителей СССР, чье «думание» создавало советскую науку. Благодаря таким, как он, в мире было две науки – советская и вся остальная.

Строить коммунизм Акопу не приснилось бы и в горячем сне. О сочинениях Ленина он отзывался... негативно. Одним из самых сильных нравственных потрясений Назаретяна стало, когда он узнал, что в начале 1930-х гг. миллионы людей умерли с голоду, а хлеб из СССР продолжали вывозить. Потрясение было вполне искренним.

Но и никаких личных или семейных причин бороться с политическим строем СССР у него не было. Он был веселым подсоветским вольнодумцем, но никогда не был идейным диссидентом. Перебежать на Запад, «выбирая свободу», ему бы даже не пришло в голову.

Акоп родился и вырос, когда Советский Союз казался вечным, он готовился жить и умереть, оставить детей и внуков в СССР. Он честно выполнял задания в странах Латинской Америки, работая на систему, идеологию которой разделял весьма частично, как это делали очень многие советские люди. И заодно использовал свое служебное положение для совершенно неслужебных целей – как делали тоже многие советские люди. Например, Акоп без всякого приказа пожил в первобытном племени аче. «Сейчас можно говорить об этом... А тогда узнали бы – и мне б несдобровать», – рассказывал Акоп в 2007 г. Вот так. Рисковал, конечно, не жизнью – карьерой. Но рисковал. Чтобы пожить среди «настоящих первобытных людей». Если бы не пропагандистская работа в Южной Америке, когда бы и как он попал к аче?! А так – сделал массу наблюдений, подружился с местными вождями...

Один вождь аче приехал к Акопу Погосовичу в гости уже в 2010 г. «Какой он старый стал, – грустно говорил седой Акоп. – Такой был веселый людоед – а теперь ни единого зуба».

Был он и честным советским богоборцем. Не атеистом, нет... Сам рассказывал, как в Иерусалиме сунул в щели Стены Плача записку: «Богяра! Сколько будешь над людьми издеваться!» Я его, помнится, спросил: «Не боишься? А если Он все-таки припомнит?» «Так его ж нет...» – неуверенно ответил Назаретян. Так что атеистом он не был: записку «кому-то» ведь писал. А вот богоборцем все же был.

Армяно-азербайджанская война вызывала у Акопа почти физические страдания: ну что, не могли они договориться?! Стрелять вместо того, чтобы договариваться, было для Акопа чертой просто вопиющего бескультурья. Есть проблемы? Сядем, поговорим, разольем... Может, круглый стол проведем или конференцию... сборник трудов издадим... Вот это жизнь!

Здесь если и наивность, то особого рода. «Наивность» опытного, взрослого человека, до костного мозга верящего, что «национальные разборки» проистекают исключительно от глупости.

Он пришел из СССР, и после крушения СССР духовно оставался в Советском Союзе. Может быть, не полностью – но очень и очень во многом. Акопа надо помнить как живое и как лучшее из возможных порождение советской цивилизации.

И еще: Акопа Погосовича следует помнить как очень молодого человека, умершего внезапно.

Трагедия любого крупного ученого – умереть до того, как изучено, понято, опубликовано ГЛАВНОЕ. Самое важное все равно впереди. Так умерли И. П. Павлов и В. И. Вернадский, Н. Н. Моисеев и Л. Н. Гумилев. Но все же умирают те, кто достиг вершины, на мгновение замер на ней и начал спускаться вниз. В любом случае – после вершины, и такая смерть не удивляет.

Акоп умер совершенно неожиданно, потому что вершины не достиг. Вот он двигался вверх – и вдруг его почему-то нет. Не верится. Так не бывает. Проклятая онкология сработала, как пуля. Как взрыв. Назаретян мог попасть на мушку агенту иной державы в Южной Америке. Мог напороться на самострел в лесах аче. Он умер в Москве, в своей любимой квартире. Но умер так же, как умирает насильственной смертью совсем молодой человек – на взлете.

Провожая в последний путь Льва Гумилева и Никиту Моисеева, я не испытывал такого чувства полнейшей нереальности. Произошло нечто, нарушающее законы природы. Кстати, Назаретяну понравилась бы эта моя мысль – «нарушать законы» он любил.

Завтра поставлю свечу в армянской церкви за упокой души большого человека. Не в смысле – высокого... Он был психологически большим. Его было внутренне много. Акопа Погосовича хватило на несколько направлений философии, психологии и науки. На то, чтобы оставить след в памяти множества людей. Интересно, как бы он сам отнесся к моему желанию помянуть себя, усопшего? Думаю, с юмором.

Прощай, Акоп!

Вечная память Акопу.

Будь проклята смерть.